АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Этот скромный медальон сам находит дорогу к своим хозяевам, тем, кто достоин титула Великого Слона, повелителя ветров и крокодилов. Но горе тому, кто посмеет присвоить талисман силой или обманом…

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Амулет Великого Слона

Артефакт-детектив

Наталья Александрова

Амулет Великого Слона

«Эксмо»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Амулет Великого Слона / Н. Н. Александрова — «Эксмо», 2017 — (Артефакт-детектив)

ISBN 978-5-699-93842-1

Как же далек Петербург, с его дождями и туманами, от знойной Африки! Примерно так же, как самая обычная официантка Ася от наследной принцессы черного племени, испокон веков умеющего укрощать крокодилов, приручать скорпионов и по голосу ветра находить в земле драгоценные металлы. Хотя, может быть, это только кажется, что между принцессой и дурнушкой нет ничего общего? Стоит только всмотреться в таинственный медальон, непонятно каким ветром занесенный в северные края из южных широт…

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93842-1

© Александрова Н. Н., 2017
© Эксмо, 2017

Наталья Александрова
Амулет Великого Слона

© Александрова Н. Н., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Ася пошла быстрее, но шаги за ее спиной неумолимо приближались.

Темнота сгущалась, кроме того, впереди клубился туман, густой, как парное молоко, скрадывающий и размывающий очертания предметов. Сквозь этот туман проступал тусклый свет фонарей, который не освещал ночной город, а только делал его еще более таинственным, странным и угрожающим.

Шаги за спиной стали еще ближе, еще отчетливее.

Ася испуганно оглянулась, но не разглядела своего преследователя: он был скрыт клубами тумана, сквозь которые проступал только нечеткий, смазанный силуэт. Неотвратимо приближающийся силуэт.

Только не впадать в панику!

Ася пошла еще быстрее. Ей хотелось бежать, но она сдержала этот порыв. Пока она не бежит – все не так страшно, можно делать вид, что ей ничего не угрожает, можно убеждать себя, что за ней идет обыкновенный ночной прохожий. Надо же скотина какая Жанчик, обещал же подвезти до дома, но сегодня сказал, что никак не может, и глазищами своими блудливо блеснул. Все ясно – вместо дома налево намылился. Да ей-то, Асе, какое дело, сколько раз на неделе он жене изменяет, она с ним не спит! Вот пришлось теперь среди ночи пешком тащиться. Вроде и близко, только мост перейти, а страшно. И главное – в городе всегда кто-то даже ночью ходит, а тут – никого. Только шаги за спиной…

Она вышла на Литейный мост.

Над мостом хозяйничал ветер. Он подхватил клочья тумана, отнес их в сторону – и Ася увидела впереди женскую фигуру. Женщина шла ей навстречу.

Ася еще прибавила шагу, чтобы приблизиться к этой незнакомке.

Рядом с ней будет не так страшно, а там и мост кончится, а потом пройти еще немного – и будет ее дом.

Но женщина на мосту вела себя очень странно.

Она остановилась, огляделась по сторонам – и вдруг перебралась через парапет моста. Да что же это такое, никак она топиться собирается?

Ася бросилась бежать. Теперь ее гнал вперед не страх за себя, не звук приближающихся шагов за спиной, а желание остановить незнакомку, удержать ее от непоправимого шага.

И тут ветер стих, и густые клочья тумана снова закрыли все вокруг плотным непроницаемым занавесом. Ася едва различала дорогу перед собой.

Она бежала почти вслепую, перед ее внутренним взором стояла женская фигура на краю моста, и она стремилась туда, где видела ее в последний момент.

И снова ветер, как фокусник, отдернул ветхий занавес тумана, разорвал его на клочья и унес куда-то в сторону залива. Небо расчистилось, сквозь обрывки облаков проглянул ущербный диск луны, похожий на набеленное, ухмыляющееся лицо старого клоуна.

Ася вглядывалась в темноту.

На том месте, где только что стояла незнакомка, не было теперь никого, только что-то тускло сверкнуло на парапете моста в неверном свете луны. Она подбежала к парапету, перегнулась через него.

Внизу, глубоко под мостом, свинцом и серебром отливала ночная Нева. Над водой ничего не было – ни следа исчезнувшей незнакомки. От текучей, тускло отсвечивающей воды закружилась голова.

Ася выпрямилась, огляделась.

Сзади, с Выборгской стороны, никого не было видно. Преследователь, чьи шаги только что так пугали Асю, чьи шаги гнали ее вперед, как затравленную дичь, бесследно исчез, как будто его тоже унес ветер. Унес в сторону залива и дальше – в Швецию или Финляндию.

С другой стороны, со стороны Литейного проспекта, неторопливой походкой приближался пожилой дядечка с двумя удочками на плече.

Ася бросилась ему навстречу:

– Вы видели?

– Что видел, дочка? – переспросил прохожий недоуменно.

– Женщина… только что здесь женщина бросилась в воду! Вот здесь, на этом самом месте.

– Да что ты? – Рыболов недоверчиво взглянул на Асю. – Ничего я не видел, никакой женщины!

– Да что вы говорите! – Ася снова шагнула к парапету. – Она шла с вашей стороны, потом остановилась, перелезла через парапет и тут же прыгнула…

– Да не может быть! Передо мной никого не было!

– Была! Была! – настаивала Ася. – Я видела… видела ее… нужно что-то делать…

– Да что делать-то?

– Хоть полицию вызвать.

– Ты видела, ты и вызывай!

– У меня мобильник сел, – пробормотала Ася смущенно.

– Ладно… – Рыболов тяжело вздохнул, покачал головой, достал тяжелый старомодный аппарат, набрал номер и недовольным хрипловатым голосом проговорил: – Тут на Литейном мосту вроде как женщина в воду прыгнула… ну да… на Литейном… что? Да, хорошо…

– Сейчас подъедут. – Он с сомнением взглянул на Асю. – Машина как раз тут неподалеку.

Тем временем на мост снова опустился туман. Ася зябко передернула плечами, огляделась. Туман опять придал городу фантастический, нереальный вид, в котором правду было трудно, почти невозможно отличить от вымысла.

Вдруг в завесе тумана проступили мерцающие цветные пятна, послышался негромкий шум мотора, и рядом с ними появилась полицейская машина.

– Что тут у вас? – проговорил, выбираясь из машины, невысокий молодой полицейский.

– Да вот она говорит, что видела, как женщина с моста сиганула! – сообщил рыболов, сразу же отмежевавшись от Аси и переложив на нее ответственность.

– Она, значит, видела, а вы – нет? – уточнил полицейский.

– Так точно! – подтвердил рыболов.

– А что конкретно вы видели? – полицейский повернулся к Асе, пригляделся к ней недоверчиво.

– Я… видела, как женщина… спрыгнула с моста… – пролепетала Ася, явно теряя уверенность.

Клубившийся вокруг туман волшебным образом искажал предметы, делал их непохожими на самих себя, и теперь Ася уже ни в чем не была уверена.

– То есть я не видела, как она спрыгнула, – поспешно проговорила она, – я видела, как она перебралась через парапет, а потом ее закрыл туман, а потом ее уже не было на мосту.

– Значит, конкретно, как она прыгнула, вы не видели, – уточнил полицейский и снова повернулся к уныло сгорбившемуся рыболову: – И вы тоже не видели?

– А я вообще никого не видел, кроме вот ее! – Дядечка показал скрюченным ревматизмом пальцем на Асю. – Но она говорит, что видела, вот я и позвонил…

– Понятно. – Полицейский кивнул рыболову как единомышленнику и даже соучастнику: – Вы с какой стороны шли?

– Оттуда. – Дядька махнул рукой в сторону центра города. – Я на Фурштатской живу, а сюда хожу рыбу ловить. Здесь корюшка хорошо клюет.

– По ночам? – уточнил полицейский.

– По ночам, – кивнул рыболов. – Бессонница у меня, а так с удочкой постоишь – как-то оно лучше…

– А вы с какой стороны шли? – Парень повернулся к Асе.

– С Выборгской.

– У вас что – тоже бессонница? – В голосе полицейского невольно прозвучало ехидство.

– Нет, – мрачно ответила Ася. – Я с работы иду.

– Где же это вы так поздно работаете?

– В ресторане «Замбези».

– А, – он снова оглядел ее, – понятно.

Ася промолчала, не стала уточнять, что именно ему понятно. Все и так было ясно.

– Витя, это где Самсоныч хозяин. – Второй полицейский так и не вышел из машины, Ася слышала только его голос.

– Значит, вы шли с той стороны, – полицейский протянул руку направо, – и увидели, как женщина спрыгнула с моста.

– Я же говорю, что не видела, как она прыгнула! – Ася заторопилась, повысила голос. Она уже ни в чем не была уверена, туман и ночь заворожили ее, сбили с толку, и поэтому ей еще больше захотелось подтвердить свою правоту. – Я не видела, как она прыгнула, ее закрыл туман! Но я видела, как она…

– Так, значит, констан-тируем… – Полицейский с удовольствием проговорил красивое слово. – Констан-тируем: вы не видели, как она спрыгнула. Тогда…

– Но куда же она тогда подевалась?! – горячилась Ася. – Она шла мне навстречу, по этой стороне моста, потом остановилась, перелезла через парапет…

– Так, постойте. – полицейский остановил ее, подняв руку. – Она шла вам навстречу, значит, с той стороны, – он показал на левый берег, – значит, она шла перед гражданином… значит, гражданин обязательно должен был ее видеть.

– Никого я не видел! – поспешно заявил рыболов.

– Понятно.

Полицейский подошел к парапету, внимательно оглядел его, затем перегнулся и какое-то время смотрел на воду. Ася подошла к нему и тоже перегнулась через парапет.

Снова у нее закружилась голова от тускло отсвечивающей воды. Ася отшатнулась, отступила от парапета.

– Никаких следов. – уверенным, немного скучающим тоном проговорил полицейский и крикнул в сторону машины: – Соловьев, передай там, что ложный вызов!

– Почему же ложный? – заторопилась Ася. – Я видела…

– Девушка, вот не надо этого, – поморщился полицейский. – У нас по ночам люди чего только не видят! Вчера один мужчина позвонил, сказал, что его жена улетела на помеле. Мы, конечно, приехали. Жена оказалась и правда ведьма, но находилась дома, а вот у мужа была натуральная белая горячка.

– Вы на что намекаете? – возмутилась Ася.

– Да ни на что я не намекаю! – полицейский махнул рукой. – Вы бы лучше по ночам одна не ходили. Всякое может случиться. Особенно с вами… – Он снова оглядел ее с ног до головы, как показалось Асе, весьма неодобрительно.

– А то я не знаю. – поморщилась Ася. – Меня обычно повар наш подвозит, да сегодня не смог, маршрутки уже не ходят, а если машину брать, то тоже нарваться можно еще как…

– Понятно, – вздохнул полицейский. – Вы где живете?

– А в чем дело?

– Да ни в чем. Если не очень далеко – мы вас подвезем.

Вот наконец и ее двор. Полицейская машина высадила ее на углу и сразу же уехала, какой-то у них был срочный вызов – не то муж жену убил, не то жена мужа кипятком обварила. Ася даже толком поблагодарить ребят не успела.

Едва передвигая ноги, она взялась за ручку калитки, которая, как всегда, была открыта. Вот интересно, чуть ли не каждый месяц собирают деньги на новый замок, а его ломают через три дня. Впрочем, сейчас ее этот вопрос волнует в самую последнюю очередь.

Ася прошла в железную калитку, намереваясь пересечь двор, ее подъезд был в самом углу, и лампочка над дверью, как назло, перегорела. И тут наскочил на нее кто-то большой и лохматый. От неожиданности сердце ухнуло вниз.

– О господи! – охнула она, отгоняя большую собаку. – Аська, да ты сдурела совсем! Уйди, уронишь меня!

Собака нехотя отступила.

Тут из темноты вынырнула еще одна тень – Панфилыч. Пахнуло немытым и нестираным мужиком. Это еще хорошо, что сейчас лето, зимой от Панфилыча натуральным козлом несет.

Панфилыч был бомж. Только не совсем обычный. Он не отирался у круглосуточного магазина в поисках дармовой выпивки и не просил у жильцов буквально десять рублей на лекарство. Хоть внешность имел он самую устрашающую, сам был тихий, любил уединение, тишину и простой физический труд.

Панфилыч поселился на чердаке, причем аккуратно вскрывал замок, хозяйственно повешенный управдомом, затем так же аккуратно его закрывал. Чердак он содержал в порядке, так что можно было даже оставить там белье на просушку, как делали некоторые жильцы по старой памяти. Летом Панфилыч мел двор, зимой чистил его от снега, выполнял некоторые другие работы. Руки, по наблюдению жильцов, имел неплохие, мозги тоже не совсем пропил. Старушки подкармливали его из своих скудных средств. Когда же Панфилыч, околачиваясь во дворе, предотвратил пару квартирных краж, спугнув вора, управдом, скрепя сердце, разрешил ему ночевать на чердаке.

Единственно, в чем был строг управдом, – это запрещал держать на чердаке плитку и осветительные приборы. Проводка-то на чердаке была, но плохая, старая и ненадежная, управдом боялся пожара и с этой целью вечерами поглядывал на слуховое окошко. Панфилыч света не зажигал, зато притащил на чердак сломанную микроволновку, найденную на помойке. Сумел ее починить, что, несомненно, говорило в пользу непропитых мозгов.

Про микроволновку знала только Ася, поскольку у нее с Панфилычем были свои особые отношения. Еще бабушка так постановила: мы должны бездомным всячески помогать и облегчать их трудную жизнь, это наш человеческий долг. Всем, конечно, не поможешь, но по мере сил. Потому что, если хочешь, чтобы тебе в трудную минуту помогли, должен сам помогать.

Теперь бабушки нет, но Ася ее завет выполняет, тем более что Панфилыч – бомж не противный. Ася из ресторана еду приносит, хозяин Самсоныч разрешает брать, если остается – не выбрасывать же. Там хватит и для Панфилыча, и для собаки.

Вот собака – это второй камень преткновения, очень управдом на нее сердится. Нашел ее Панфилыч на дороге, кто-то машиной лапу перебил да и уехал. Вылечил Панфилыч лапу, назвал собаченцию Аськой. Его и спрашивают как-то старушки: что ж ты собаку человечьим именем назвал? А Панфилыч зубы скалит – нет, мол, такого имени Аська, а есть – Анастасия. Это так мою жену бывшую звали. И собачка здорово на нее смахивает. Здоровая, лохматая, серая с пятнами, ночью увидишь – заикой стать можно. Но в отличие от бывшей жены – добродушная, никого не трогает и на дрова живого человека не пилит.

Посмеялись старушки да и отстали. Однако управдом злится – блохи от собаки, грязь опять же, в общем, антисанитария… Панфилыч со своей Аськой только ночью гуляет, а днем она на чердаке так спрячется – никто не найдет.

Собака снова требовательно ткнулась Асе в район живота и тихонько заворчала.

– Сегодня нет ничего, – растерянно сказала Ася, – извини уж, тезка, так получилось.

И ведь был у нее с собой пакет с ресторанными объедками, и мяса там много! Потеряла где-то на мосту. Вот обидно, теперь собака голодной останется.

– Аська, не приставай к человеку, – сказал, подходя, Панфилыч. – Ты чего такая встрепанная? Обидел кто?

– Да нет, устала просто.

Они с собакой проводили ее до подъезда, Панфилыч посветил Асе, чтобы смогла открыть дверь.

Поднимаясь по крутой лестнице на свой пятый этаж, она подумала, что могла бы рассказать о том, что с ней сегодня приключилась, разве что этому бомжу. Больше-то и некому.

А Панфилыч свистнул собаке и пошел вместе с ней на угол к круглосуточному магазину. Там продавщица Галия дала ему полпалки лежалой колбасы, придирчиво осмотрев мятую купюру, что вынул он из кармана.

Присев тут же на каменные ступеньки магазина, Панфилыч аккуратно нарезал колбасу перочинным ножом на маленькие кусочки и скормил ее собаке.

– Ешь, – приговаривал он, – морду не вороти. Привыкла на ресторанных-то харчах… не все тебе праздник, в нашей жизни есть и суровые будни.

Ася тем временем вошла в свою квартиру, заперла за собой дверь и перевела дыхание.

Дом, милый дом!

Точнее, нора, собственная нора, единственное место на земле, где она чувствовала себя в безопасности. И правда – самая настоящая нора: за дверью начинался длинный, извилистый коридор, настоящий туннель без окон и дверей, непонятным образом вписавшийся в верхний этаж старого дома, и только в конце этого коридора – две маленькие комнатки неправильной формы и кухня, в углу которой был выгорожен кусочек пространства для душа и туалета.

Еще на кухне был проход – точнее, лаз на чердак, но об этом – потом.

Несмотря на странную планировку и более чем скромные размеры, Ася любила свою квартиру, свою нору. И этой норой – как и всем лучшим в своей жизни – она была обязана бабушке.

Вернувшись домой, Ася вяло подумала, что неплохо бы выпить чаю, но для этого нужно было поставить чайник, достать заварку, сахар… об этом не хотелось даже думать, сил не было ни на что. Есть не хотелось – насмотрелась на еду за целый вечер, нанюхалась, нагляделась на жующих людей. У нее всегда так: на работе есть не может и после утром только чашку кофе в себя впихнет. Ноги были налиты свинцом, веки слипались. Она доплелась до кровати, кое-как разделась и заснула, как только голова коснулась подушки.

И как уже много раз до того, она оказалась в огромном, величественном лесу.

Это был не тот привычный, обыкновенный лес средней полосы – не сырой промозглый осинник, трепещущий каждой своей прожилкой, не мрачный неразговорчивый ельник, хранящий свои тайны, не светлый сосновый лес – собор облитых солнцем золотых стволов.

Нет, это был темный и могучий тропический лес. Зеленые змеи лиан обвивали мощные стволы тысячелетних деревьев, ветви которых смыкались высоко над головой, не пропуская вниз ни одного солнечного луча. В этих ветвях перекликались склочными голосами незнакомые экзотические птицы и перелетали с ветки на ветку стайки обезьян, испуганных далеким и грозным рычанием леопарда.

Как и прежде в таких снах, Ася торопливо шла вперед через этот лес, она спешила, пытаясь выйти к солнцу, к свету, – а сзади слышались приближающиеся шаги.

Она прибавляла шагу – но невидимый преследователь не отставал, наоборот, его шаги были все ближе, все слышнее…

И вдруг лес расступился, она вышла на поляну, посреди которой стояла обнесенная частоколом хижина. На кольях, окружающих эту хижину, виднелись выбеленные дождями и временем человеческие черепа. А еще там сидела большая ворона с белым кольцом на шее. Увидев Асю, она открыла клюв и громко каркнула:

– Пор-ра! Пор-ра!

– Что пора? Куда пора? – спросила Ася.

И проснулась.

– Пора вставать! – прокаркал механический голос на тумбочке. – Пора вставать!

Это она сама когда-то установила такой сигнал на будильнике. Она давно хотела его заменить, да все руки не доходили.

– Пора вставать! – повторил будильник.

– Да ладно, еще совсем рано, – ответила Ася и попыталась снова заснуть, но из этого ничего не получилось. В голове теснились мысли и образы, вопросы, на которые у нее не было ответа.

Что это она видела вчера на мосту? Бросилась в воду незнакомая женщина или ей это только показалось, померещилось в ночном тумане? Кто преследовал ее почти от самого ресторана? И почему ей ночь за ночью снится этот сон – тропический лес, по которому она убегает от невидимого преследователя?

«Допустим, тропический лес – это вполне объяснимо, – прозвучал у нее в голове внутренний голос. – тропический лес – это генетическая память, память предков… предков по линии папочки. А что до таинственного преследователя – так это просто нервы».

– Никакие это не нервы! – вслух проговорила Ася.

Она поняла, что больше не сможет заснуть, и встала.

Одежда валялась на полу посреди комнаты – там, где она бросила ее накануне вечером.

Нет, ну надо же так распуститься! Даже не повесила на стул. Конечно, она очень устала, но…

Ася подняла с пола куртку, встряхнула ее, чтобы разгладить слежавшиеся за ночь складки… и тут на пол что-то выпало с глухим тяжелым стуком.

Она нагнулась, подняла выпавший на пол предмет и с удивлением уставилась на него.

Это было что-то вроде кулона или небольшого медальона на тонкой серебряной цепочке. Нет, все же не медальон, медальон должен открываться, в нем хранят локон любимого человека, или фотографию, или еще что-то памятное.

Эта же висюлька была похожа скорее на лист дерева – заостренный с одной стороны, круглый – с другой. На этом листе свернулся зверь – маленький, очень живо выточенный леопард. Рядом с ним Ася разглядела какие-то непонятные значки.

Странная вещь.

Пожалуй, самым странным был материал, из которого она сделана. Металл, очень тяжелый, серебристый – но не серебро и уж точно не сталь. Тусклый маслянистый блеск отсвечивал то бирюзой, то зеленью, как голубиное перо.

Но откуда взялась здесь эта вещь?

Она выпала из кармана куртки, но как она попала туда? Раньше Ася ничего подобного не видела.

Внезапно она вспомнила минувшую ночь, вспомнила женскую фигуру возле парапета моста…

Вспомнила, как эта фигура исчезла, а на парапете что-то тускло блеснуло…

Наверное, тогда этот кулон случайно попал к ней в карман.

Случайно? Разве так бывает?

Во всяком случае, другого объяснения Ася не могла найти. Другого объяснения просто не было.

Но тогда… тогда это значит, что ночное происшествие не померещилось ей. Та женщина не была порождением ее воображения, не была призраком, сотканным из тумана, она действительно прыгнула с моста, прыгнула в темную, холодную воду, отливающую серебром и свинцом, и перед этим случайно выронила этот кулон. Или совсем не случайно выложила его на парапет. А она, Ася, сама того не заметив, положила этот кулон в карман.

И что теперь с ним делать?

«Ничего не делать, – прозвучал у нее в голове внутренний голос, – оставить все как есть. Как будто ничего не было… спрятать кулон и забыть про него».

Но бабушка всегда говорила, что брать чужое нехорошо. И Ася накрепко усвоила бабушкины принципы.

Значит, нужно этот кулон отдать.

Но кому? Отнести в полицию?

Ася вспомнила полицейского Витю, вспомнила его недоверчивый взгляд, его каверзные вопросы… И тот, второй, что был за рулем, головы даже не повернул, пока они везли ее до дома.

Они не поверили, что она видела самоубийство. Не захотели поверить. Значит, если она принесет тому же Вите этот кулон – в лучшем случае он положит его в самый дальний ящик своего стола и забудет там, а в худшем – подарит своей девушке.

Ася снова взглянула на странную вещицу.

Она показалась ей теплой, как живая плоть. И еще… в ней было что-то удивительно знакомое. Как будто Ася уже держала ее в руках – только когда-то давно, очень давно.

В детстве? В самом первом своем детстве?

Нет, еще раньше.

В другой жизни.

Да что за ерунда приходит ей сегодня в голову? Какая еще другая жизнь?

И вообще пора выбросить из головы эти глупые мысли и сосредоточиться на сиюминутных заботах. В порядок себя привести, душ принять. Потом прибраться в квартире и потихоньку собираться на работу. Ресторан «Замбези» открывается в шесть, но официанткам к пяти точно нужно быть. Все приготовить, столы накрыть, да мало ли еще что понадобится. Самсоныч – хозяин строгий, требует, чтобы все было по высшему разряду.

Ася подошла к зеркалу и провела расческой по волосам. Расческа у нее была металлическая, прочная, но и то ненадолго ее хватало.

«Твои кудри только лошадиным гребнем чесать», – приговаривала в свое время бабушка, пытаясь привести Асю, по ее же выражению, в божеский вид.

Раньше Ася распрямляла волосы в парикмахерской, но Самсоныч запретил. Ему нужно было, чтобы официантки выглядели так, как будто только что с пальмы слезли.

«Ресторан-то у меня африканский, – втолковывал он, – стало быть, сразу должно быть видно, что персонал оттуда, из Африки. Иначе у людей веры не будет во всю эту экзотику. А то в японских ресторанах наберут казахов да киргизок, а то еще из Якутии. А эта Синильга, может, и палочек-то для еды никогда не видала, не то что суши. Так какое может быть доверие к такому ресторану? А у меня все по-честному. Я тебя за внешность твою взял, так будь добра соответствовать!»

Платил Самсоныч неплохо, да еще чаевые перепадали, жить можно. Так что Ася не спорила, делала что велели. Сейчас можно волосы гладко заколоть – как получится, конечно, а уж вечером в ресторане она такую афру устроит. И губы помадой яркой накрасит, чтобы выпяченными казались. В уши – серьги в виде огромных колец, Самсоныч самолично выдал. Форма у них, конечно, смешная: юбочка коротенькая, топик, живот открыт. У Аси фигура хорошая, не стыдно показать. Клиенты поглядывают с удовольствием, кое-кто и по попе шлепнет, но Самсоныч этого не приветствует, у меня говорит, ресторан, а не бордель, к персоналу не приставать.

Так что внешность впервые помогла Асе в жизни. Раньше-то все больше колотушки да тумаки доставались. Еще обзывали по-всякому, не хочется вспоминать.

А благодарить за все надо папочку, которого Ася и не помнит совсем. Папочка ее был черный, как вакса, это такая штука, ботинки раньше чистили, бабушка рассказывала. И родом был вроде бы из Анголы, это такая страна в Африке. Асе-то все равно, что за страна, она в ней никогда не была и не собирается туда.

Приехал папаша оттуда, из своей не то чтобы Анголы, а может, и другой страны, учиться в институте. Да и познакомился с матерью на дискотеке. Она тогда на фабрике работала, детскую одежду шила. Красавицей была, это все признавали, у бабушки чудом сохранилась одна-единственная фотография, где мама в Новый год на сцене поет, прямо как артистка какая. И голос был неплохой, бабушка говорила.

Ася-то не помнит, чтобы мать пела, разве что колыбельные ей в самом раннем детстве. А потом голос у матери стал хриплым и неприятным, а когда кричит – визгливым.

В общем, стали мать с отцом встречаться, а потом мать забеременела Асей, а тут как раз отец диплом защитил. Оформили они брак да и уехали. Он на ней женился, потому что сына хотел, опять же красавица была писаная, как бабушка говорила. А она с ним связалась, потому что очень уж отличался от всех парней, кто за ней увивался. Те норовили облапать на танцах да под юбку залезть, а этот все же о ней как-то заботился, опять же при деньгах был, что по тем временам было немаловажно. Вещи какие-то привозил, сумку подарил такую красивую, что на нее посторонние люди оглядывались, хоть не носи совсем.

А самое главное… была в нем какая-то особенная красота, точне, даже не красота, а стать. Плавная, грациозная походка, красивый разворот плеч, гордая посадка головы.

Это бабушка рассказывала со вздохом. А у нее, у Маши-то, здесь и не было родных толком. Мать ее умерла от рака совсем молодой, отец – пьяница горький, с трудом его на работе держали, с женой они вечно скандалили, денег не хватало, мачеха Машу терпеть не могла, и та ей той же монетой платила. Так и жили.

Вот Маша и решила такую, с позволения сказать, жизнь изменить. Уехать далеко-далеко, чтобы все там было другое, непохожее на ее прежнее житье-бытье. Тут ведь один конвейер на фабрике чего стоит, после работы перед глазами только рукава да спинки пальтишек детских так и мелькают, рехнуться можно.

Уехали они, только не в Африку, а в одну латиноамериканскую страну, отец там работу нашел. Он по специальности строитель был, мосты строил, дороги, электростанции. Отчего он в Африку свою не поехал, Ася и знать не знает.

Она родилась в маленьком городке – в Гватемале? Или в Эквадоре? Или в Панаме? Они все время переезжали, как только у отца заканчивался контракт.

Первые ее детские воспоминания – это солнце, сухое, палящее, безжалостное. И еще пыль. Она не боится солнца и с удовольствием топчется в пыли, она такая мягкая, покрывает все теплым шелковистым слоем. Но тут же сильная рука матери хватает ее и затаскивает в полутемный дворик, он называется патио.

Там прохладно, пол выложен выщербленной каменной плиткой, по которой иногда пробегает шустрая серо-зеленая ящерица, застывает на полпути, сливаясь с рисунком плитки. В углу – кран с водой, которая стекает в растрескавшееся каменное корыто. Во дворике пусто и невыносимо скучно, потому что никого нет, только иногда выходит собачка сеньоры Лопес, у них общее патио.

Сеньора всегда одета в черное, а собачка – маленькая, беленькая и пушистая. Сеньора отчего-то не любит маму, она всегда неприязненно поджимает губы, встретив ее, а мама дома вполголоса называет ее старой ведьмой и облезлой вороной. Мама у Аси красивая, только все время нервничает и злится. На Асю, на отца, которого никогда не бывает дома, на солнце, которое своими лучами прожаривает ей мозг, на эту паршивую страну, вообще на жизнь.

Когда в доме появляется отец, они бурно скандалят, потом так же бурно мирятся, наутро опять скандалят, пока он не уедет снова. Ася в это время сидит в патио тихо-тихо и играет с тряпочной куклой или с разноцветными камушками, найденными на улице. Собачку сеньора Лопес в патио не выпускает, когда родители скандалят.

Иногда мама водит Асю в магазин или в кафе. Там она познакомилась с такими же, как она, домохозяйками, они сидят в кафе по полдня за чашкой кофе или за стаканом с прохладительным. Иногда пьют коктейли. Ася в это время тихонько сидит у столика. Мама дает ей поиграть разноцветными зонтиками от коктейлей.

Но однажды Ася поймала мячик, который бросил ей черноглазый смуглый мальчишка, кинула мяч обратно и побежала за ним. Они прибежали на какой-то двор, отгороженный от улицы красивой кованой решеткой, и там играли, очень здорово было бросать мячик об стенку. Он отскакивал все время в разные стороны, как живой.

Потом мальчишку позвала высокая толстая женщина с усами, и он убежал с ней, а Ася осталась одна в незнакомом месте. Она испугалась, что мама будет ругаться, вышла на улицу и побежала к кафе. Но кафе не было на месте, точнее, было, но только совсем другое, и там не было мамы, а сидели взрослые мужчины, которые громко смеялись и кричали грубыми голосами.

Ася только потом поняла, что шла в другую сторону. Тогда она испугалась ужасно и заревела в голос. Подошли люди, но Ася была слишком мала, чтобы объяснить что-то, тем более по-испански. Мама и сама-то не слишком хорошо знала этот язык.

Тогда кто-то догадался позвать полицейского. Полицейский был такой же толстый, с черными усами, очень похож на ту женщину с мальчишкой, только в форме, и пахло от него потом и табаком. Он цокал языком и качал головой, затем взял Асю на руки и понес куда-то. От прикосновения чужого дяди она заревела еще пуще.

И тут налетела на них мама – растрепанная, с глазами, едва не вылезающими из орбит. Выхватив Асю из рук полицейского, она побежала было прочь, но была остановлена твердой рукой. Ася по-прежнему ревела ревмя, мама шлепнула ее слегка, отчего Ася тут же заткнулась – привыкла уже. Однако полицейскому это не понравилось, он нахмурился и приступил к маме с вопросами. Потом их привели к большому зданию, Ася помнит, что рядом было много машин, а потом, когда маму увели куда-то, ласковая тетенька поила Асю сладким лимонадом.

Вечером вернулся отец, и разразился скандал. Орал и ругался в основном он, мама была непривычно тиха, даже плакала. Отец все показывал ей какие-то бумажки и никак не мог успокоиться.

С того времени мама больше не ходила в кафе, днем она сидела дома, спала или слушала музыку, вечерами укладывала Асю спать пораньше и уходила. А когда возвращалась, то пахло от нее чем-то незнакомым, приторно и резко. И еще духами – сильно-сильно, от чего Ася начинала чихать.

Но однажды Асе приснился кошмар – как будто она бежит по темной улице босиком, и мягкая пыль под ногами понемногу становится вязкой. И вот уже она едва может вытащить ноги, а пыли уже по колено, потом она доходит до живота… Ася проснулась с криком. В доме было темно и пусто. Она выбежала в патио, через некоторое время раздался лай, и вышла сеньора Лопес. Соседка увела Асю к себе, напоила теплым молоком и уложила на диван, прикрыв пледом.

Утром мама ругалась с сеньорой Лопес, та же еще сильнее поджимала губы. Когда вернулся отец, сеньора, надо думать, сообщила ему обо всем. И тогда, кроме скандала, отец поднял на маму руку. Ася слышала шум, потом мама выскочила в патио и стала под краном замывать кровь, которая текла по лицу.

Мама долго сидела потом дома, пока не сошли синяки, выходила только в магазин вечером, когда на улицах темнело. Потом тоже мало выходила, приспособилась сама делать коктейли.

Теперь она пила почти с самого утра. Сначала один коктейль, легкий, как говорила она сама, потом второй, потом следующий. Она очень красиво оформляла бокалы, тянула питье медленно, а Асе давала играть использованными зонтиками и соломинками.

К концу дня зонтиков было все больше. Ася тогда умела считать только до пяти, получалось несколько кучек. Иногда мама засыпала прямо на диване, Ася уже научилась снимать с нее туфли и подкладывать подушку под голову. Она также умела уже мыть бокалы и подметать пол. Когда мама спала днем, Ася выходила в патио с игрушками.

Сеньора Лопес теперь говорила с ней ласково, гладила по голове, но не сумела совладать со своим лицом, увидев множество зонтиков от коктейлей, с которыми играла Ася. Но теперь сеньора Лопес ничего не говорила папе, поскольку помнила, надо думать, что прошлое ее вмешательство закончилось дракой.

Отец узнал все сам. Обычно мама к его возвращению собиралась и приводила в порядок себя и дом. Но однажды он вернулся днем, страшно озабоченный, и застал свою жену пьяной и спящей на диване в несвежем расстегнутом халате. Рядом валялось несколько пустых бокалов с неизбежными зонтиками.

Ася в патио пускала кораблики в каменной раковине и не слышала, что сказал отец маме, когда растолкал ее. Все произошло очень быстро, отец собрал чемодан и ушел, бросив на стол несколько купюр и не взглянув даже на Асю.

Мама сидела на диване, вытаращив глаза и тряся головой, как будто отмахиваясь от невидимых мух. Тупо посмотрела на деньги и снова рухнула на диван. Ася разбудила ее вечером, потому что очень хотелось есть.

Очевидно, кое-что отложилось у мамы в памяти, потому что она очень оживилась, прихорошилась и сказала Асе, что теперь они свободны от этого черного урода и будут жить как хотят. Утром она повела Асю в кафе и по магазинам, купила ей красивую куклу с закрывающимися глазами, накормила мороженым и сладостями.

Теперь она не пила больше дома, а уходила вечерами, взяв с Аси слово, что она будет вести себя тихо. Иногда мама возвращалась не одна, Ася сквозь сон слышала какие-то звуки, тяжелые шаги мужчины и шиканье мамы, чтобы не разбудил ребенка.

Так продолжалось недолго, деньги, что оставил отец, быстро кончились, и однажды из-за мамы поссорились двое мужчин в баре, там была драка, хозяин вызвал полицию.

Все это Ася узнала гораздо позже. А тогда мама явилась под утро трезвая и тихая и сказала Асе, что все кончено, они уезжают домой. Как понимает сейчас Ася, у мамы не было в той стране никакого статуса, и, когда отец уехал, ее просто выдворили, учитывая образ жизни и отсутствие денег.

Мама не слишком горевала, она сказала Асе, что скоро у них наступит новая хорошая жизнь, что она давно хотела вернуться домой, что ей осточертела эта жара и пыль и что наконец-то Ася увидит настоящий лес и снег.

Ася взяла с собой новую куклу и украдкой попрощалась с собачкой сеньоры Лопес.

«Будь оно все проклято, – сказала мама, глядя из окна самолета, как уменьшаются внизу белые здания аэропорта, – домой летим, дочка. Домой. Забудем все, что было здесь. И чтобы имя свое забыла, теперь тебя всегда будут звать Ася».

Раньше так звала ее только мама, по-настоящему отец назвал ее Ассейной. Впрочем, он с дочкой не слишком много разговаривал.

Самолет летел долго, а когда приземлился, Ася не поняла, что кончилось ее первое детство. Кончилось навсегда, остались только воспоминания. Да и то немного.

На востоке Южной Африки, недалеко от побережья Индийского океана, раскинулись бескрайние степи, как их еще называют – вельд. Огромные степи, на просторах которых свободно могла бы разместиться вся Франция или несколько маленьких Бельгий. В этих степях от века пасутся неисчислимые стада антилоп и буйволов, носорогов и слонов, жирафов и зебр.

Там, где такое обилие пищи, – конечно, обитает множество хищников. По ночам степи оглашаются мощным ревом охотящихся львов и леопардов, леденящим душу хохотом гиен, пожирателей падали, чьи мощные челюсти могут перемолоть берцовую кость буйвола.

И здесь же, среди бескрайних, изрезанных реками и ручьями степей, многие сотни лет пасли свои стада скотоводы-нгуни. Высокие темнокожие нгуни пасли красивых длиннорогих коров, строили на вершинах холмов огороженные поселки – краали. Они жили отдельными племенами и кланами под правлением наследственных вождей. Самыми большими и могущественными среди них были племена ндвандве и мтетва, но были и совсем маленькие. Среди них был и клан зулу – «дети неба» на языке банту. Этот клан к концу XVIII века насчитывал всего полторы тысячи человек.

Однажды молодой вождь клана зулу Сензангакона с небольшой компанией друзей отправился на охоту. И там, на берегу реки, он увидел красивую девушку из соседнего племени.

Между молодыми людьми вспыхнула страсть, быстрая и безрассудная, как степной пожар.

Охота закончилась, и Сензангакона вернулся в свой крааль.

А через несколько месяцев к зулусам пришло маленькое посольство – родственники той самой красивой девушки.

Они сказали, что встреча на берегу реки имела последствия, что скоро должен родиться ребенок, сын Сензангаконы.

По обычаям нгуни в таком случае отец должен позаботиться о будущем ребенке. Он должен принять его вместе с матерью в свой крааль, а в крайнем случае заплатить выкуп – несколько коров.

Однако Мдули, дядя молодого вождя зулусов, выслушав послов, засмеялся и сказал им:

– Это невозможно! Наш вождь не мог настолько потерять голову! Вы ошибаетесь, девушка вовсе не беременна, в ее теле просто завелся жук (на языке банту, которым пользовались и зулусы, – Чака).

Посрамленные послы вернулись ни с чем.

Однако через положенный срок девушка – звали ее Нанди – разрешилась от бремени здоровым мальчиком.

И снова ее родичи отправились к зулусам и сказали тем:

– Вот он, ваш жук – Чака! Берите его вместе с матерью, теперь забота о них лежит на вашем племени!

Так маленький Чака и его мать попали в племя зулусов.

Она вошла в крааль зулусов и в хижину Сензангаконы как младшая жена, но без всякого торжества и без свадебных даров: какое уж тут торжество, когда у невесты уже есть ребенок.

Вообще положение их было незавидным: у Сензангаконы уже было несколько жен, и они приняли новую жену и ее ребенка в штыки. Главное же, сам вождь очень скоро охладел к Нанди. Девушка, которая показалась ему прекрасной, как цветок, во время охоты на берегу реки, больше не вызывала у него пламенных чувств, и он только искал повода избавиться от нее.

И такой повод появился.

Когда Чаке исполнилось семь лет, он, как и остальные мальчики племени, начал пасти овец. И однажды по его недосмотру собаки загрызли одну овцу. Сензангакона пришел в ярость и изгнал нерадивого пастуха из своего крааля.

Матери ничего не оставалось, как уйти вместе с ним.

Они вернулись в племя э-лангени, родное племя Нанди, но и там их встретили без радости. Быть изгнанной мужем – позор для любой женщины, а особенно – для жены вождя. Нанди плакала по ночам, и ее слезы причиняли Чаке неимоверные страдания.

Как и у зулусов, в племени матери Чака стал пасти овец, но здесь над ним самим издевались старшие мальчики. Его заставляли делать самую трудную и неприятную работу, его кормили объедками со стола старших, ему постоянно доставались издевательства и колотушки, его все время высмеивали за маленький рост, торчащие уши и тщедушное телосложение.

Чаще же всего его попрекали незаконным происхождением.

– Кто твой отец? – говорили ему старшие пастушата. – Если он вождь, как ты часто повторяешь, отчего он не хочет взять тебя в свой крааль?

Возвращаясь в крааль, Чака рассказывал матери о своих обидах и унижениях.

– Не горюй, мой огонек, – утешала его Нанди. – У тебя печень льва (зулусы полагали, что именно в печени заключена храбрость зверя или человека), и когда-нибудь ты станешь великим вождем и отомстишь своим обидчикам!

Как-то раз один из старших мальчишек раскалил в огне деревянную ложку для каши и велел облизать ее.

– Посмотрим, – говорил он при этом, – есть ли в тебе что-то от будущего мужчины! Ведь, говорят, ты сын зулусского вождя… правда, я не знаю, кто такие эти зулусы и где они обитают! Должно быть, это совсем маленькое племя, раз о нем не слышали в наших краях!

Несмотря на то что обидчик был намного старше и крупнее, Чака с диким остервенением набросился на него и избил чуть не до смерти.

После этого другие пастушата боялись его задевать, никто больше не напоминал ему о его происхождении.

Но у него появился еще один враг.

Старая знахарка Ндала невзлюбила его, как только Чака с матерью вернулись в ее крааль. Она нашептывала главе крааля, своему родственнику, что мальчишка несет на себе проклятие, что в нем живет злой дух и со временем все племя э-лангени ждут из-за него большие несчастья. Знахарка пользовалась в племени большим влиянием, но до поры родственник отмахивался от нее: мол, какую опасность может представлять маленький тщедушный пастушонок! Пусть себе пасет овец и коз, чтобы прокормиться!

После того как Чака избил своего обидчика, старая Ндала возобновила свои разговоры.

– Ты видел, – говорила она своему родичу, – ты видел, как этот пастушонок избил рослого и сильного парня? Как это удалось бы ему, если бы ему не помогал злой дух?

Но и на этот раз родич не стал ее слушать.

Если бы Чака был взрослым воином – другое дело, по обвинению в колдовстве и одержимости злыми духами его могли бы предать мучительной смерти, но детей не подвергали таким наказаниям, считалось, что духи обходят их стороной.

Вскоре Чака вырос, окреп и превратился в красивого молодого воина.

Он узнал, что Дингисвайо, молодой вождь могущественного племени мтетва, набирает армию.

Чака решил отправиться в землю мтетва, чтобы поискать там для себя славы и богатства.

Но прежде чем отправиться к молодому Дингисвайо, он хотел получить новое оружие, настоящее оружие, которого не знал еще ни один из его соплеменников.

До того времени все нгуни в бою использовали только легкие метательные копья. Когда между двумя кланами или племенами возникал конфликт – из-за угнанного скота, спорного пастбища или опозоренной девушки, – племена встречались на границе своих территорий, вперед выходили несколько десятков лучших воинов и бросали друг в друга свои копья.

Женщины, старики и дети стояли позади, с интересом наблюдая за «сражением», которое больше напоминало спортивный поединок, чем войну.

Кого-то ранили, кого-то, случалось, и убивали, потом противники подбирали брошенные копья и бросали их обратно. В конце концов, одно из племен признавало себя побежденным, платило победителям условленный выкуп, оба племени исполняли ритуальный танец, закалывали одного-двух быков, пировали, и все расходились.

Но в воздухе витали перемены. Сильные племена захватывали земли соседей, и для того, чтобы выжить, нужно было изменить правила и способы ведения военных действий…

Наверху, на чердаке, что-то грохнуло. Ася очнулась и взглянула на часы.

Они показывали уже третий час. Пора собираться в ресторан. Неужели она так долго предавалась воспоминаниям? Ну да, застыла перед зеркалом, как лунатик, и думала о детстве. Да было бы о чем!

Нельзя жить прошлым, оно на то и прошлое, что уже прошло. Нужно жить сегодняшним днем. Это бабушка так говорила. Выброси все это из головы, говорила, теперь у тебя будет новая спокойная жизнь, все у тебя впереди, уж я об этом позабочусь. И добавляла про себя тихонько, что если Бог даст.

Бабушка не ходила в церковь, и иконы у нее дома не висели, но, видно, просила она Бога, чтобы дал ей время и силы вырастить Асю. Услышал Бог. Только Асе восемнадцать исполнилось – бабушка присела на диван и сказала: «Ох, устала что-то сегодня!» – да и умерла тихо, как будто заснула.

Ася рассердилась на себя всерьез: да что же это такое с ней сегодня! И почувствовала в руке какую-то тяжесть.

Да, это тот кулон, или медальон, или как еще его назвать. Короче, та странная тяжелая штука, которая оказалась у нее в кармане после ночного приключения на мосту. Так и сжимала его в руке столько времени.

Ася снова взглянула на эту вещь и почувствовала, что каким-то непостижимым образом связана с ней. Ей не хотелось расставаться с этим странным кулоном, хотелось оставить его себе.

Но как же бабушкины заветы?

Брать чужое нехорошо!

«Так то – чужое, – прозвучал у нее в голове внутренний голос, – а это – не чужое, это – самое что ни на есть твое…»

Она снова сжала кулон. Он показался теплым, наверное, оттого, что долго был у нее в руке.

– Никуда не пойду! – сердито сказала она своему отражению. – Никуда не пойду и никому его не отдам! И показывать никому не стану!

Она положила кулон в ящик старой бабушкиной тумбочки, что стояла в коридоре под зеркалом, и заторопилась на работу.

Маршрутка высадила Асю на углу улицы Лебедева и Финского переулка. Дальше она, как всегда, пошла двором.

Места вокруг Финляндского вокзала она знала с детства – с того, второго своего детства, что было еще до бабушки. Знала их как свои пять пальцев. Каждый проходной двор, каждую подворотню.

Как всегда, Ася вошла в сквозной подъезд, вышла из него во двор и пошла наискосок, через вытоптанный скверик с песочницей в форме парохода и парой скамеек. Она уже подходила к другому подъезду, через который можно было выйти на площадь, к ресторану, как вдруг навстречу ей выступили двое. По виду – мелкая шпана, обыкновенные хулиганы, каких в этом криминальном районе всегда хватало. Один – низенький, толстый, с круглым розовым лицом и маленькими поросячьими глазками, второй – долговязый, костистый, с квадратной челюстью. «Им только в цирке выступать, коверными клоунами», – подумала Ася, пытаясь обойти комичную парочку.

Однако это не удалось, они перегородили ей дорогу, и толстяк проговорил, нагло ухмыляясь:

– Куда это ты направляешься, красотка?

Ася этих двоих ничуть не испугалась, ей приходилось сталкиваться с куда более опасными персонажами, и она научилась неплохо с ними управляться.

– Ребята, не заводитесь, – проговорила она примирительно, – дайте пройти, я на работу иду.

– А здесь проход платный, – вступил в разговор долговязый, – это наша территория, и проход стоит тысячу рублей!

– Ребята, ребята, угомонитесь! Я у Самсоныча работаю, вам с ним ссориться ни к чему!

– Какой такой Симсимыч? – ухмыльнулся толстяк. – Не знаем никакого Симсимыча! Гоша тебе ясно сказал: проход здесь стоит тысячу. Если хочешь пройти – плати.

– Вы не знаете Самсоныча? – переспросила Ася. – А зря. Самсоныча здесь каждая собака знает, и никто с ним не связывается. Это вредно для здоровья.

– Ты слышал, Вовчик? – снова подал голос долговязый. – Она нас собаками обозвала. Теперь проход дороже, теперь он для тебя стоит пять тысяч.

– И еще ты меня поцелуешь. – добавил толстяк.

– Ты что? – Долговязый покосился на приятеля. – Тебе не противно с этой макакой черномазой целоваться?

– А что? Даже интересно. Я раньше с черномазыми никогда…

Ася немного отступила.

Ситуация ей категорически не нравилась. Раз эти двое никак не отреагировали на имя Самсоныча и, кажется, вообще первый раз его услышали, – значит, они не здешние. Здесь, в окрестностях вокзала, хозяин их ресторана был личностью известной, и все местные мелкие бандиты, ворюги и просто хулиганы с ним не связывались, знали, что это опасно.

Выходит, эти двое – гастролеры.

А тогда с чего это они привязались именно к ней?

На чужой территории заниматься мелким рэкетом рискованно, можно по незнанию наткнуться на опасного человека.

Пока стычка не выходила за разговорную стадию, но в глазах долговязого Ася заметила поднимающуюся темную муть, которая обещала ей большие неприятности. Вот что сегодня за день такой? Вроде бы и время не позднее, а вокруг – никого, как в пустыне.

Нужно как-то выпутываться самой.

Ася припомнила свое детство – свое первое, точнее второе, дворовое детство, до бабушки, когда ей приходилось всеми доступными средствами бороться за выживание.

– Погодите, мальчики, – проговорила она растерянным голосом, в то же время немного отступая. – Вы говорите, тысячу?

– Ты что, оглохла, макака? – прошипел долговязый, переходя влево, чтобы отрезать ей путь к бегству. – Я сказал – пять тысяч! Для тебя цена повысилась.

– Но у меня столько нет. – Ася еще немного попятилась, сделала вид, что споткнулась, наклонилась к песочнице и зачерпнула горсть песку. Тут же резко выпрямилась и швырнула песок в глаза долговязому, помня священное правило уличной драки – нападать на самого опасного противника.

Долговязый инстинктивно схватился руками за лицо, и она тут же использовала его временную слепоту – ударила ногой в самое уязвимое место.

И тут же бросилась бежать – к тому подъезду, который выходил на площадь.

Но не добежала.

Перед самым подъездом она налетела на толстяка, который каким-то непостижимым образом опередил ее. Он обхватил Асю поперек туловища, сжал с неожиданной силой и процедил, растягивая слова, подражая матерым уголовникам:

– Ты куда-а это собрала-ась? От нас не убежи-ишь.

Тут же рядом возник долговязый. Он был еще бледнее, чем прежде, но не хромал и не держался за поврежденное место. Крепкий, видать, паренек! Недооценила она его…

– Ну все, макака! – проговорил долговязый, схватив ее за шею. – Конец тебе пришел!

Он сдавил Асино горло, она задергалась, пытаясь сбросить ее руки. Воздуха не хватало, в глазах начало темнеть…

– Гоша, Гоша! – проговорил толстяк. – Не горячись. Нам что заказали – помнишь?

Руки на Асиной шее немного ослабели, она смогла вдохнуть.

Зато толстяк принялся шарить по ее телу.

Ася ударила его локтем. Без замаха, в солнечное сплетение, а потом, не прекращая движения, в челюсть.

В давние времена такому удару ее научил цыганенок Пашка, и этот удар не раз выручал ее в уличных потасовках. И на этот раз он достиг цели, толстяк охнул, дернулся и отпустил ее.

Но долговязый перехватил инициативу, зажал ее шею сгибом руки и сильно придавил, так что она едва не потеряла сознание. А тут и толстяк очухался, снова принялся шарить по телу, приговаривая непонятное:

– Да где же оно… куда же она его спрятала…

Ася поняла, что дело плохо. Эти двое не мелкие уличные хулиганы, а серьезные и опасные уголовники. И ей с ними не справиться.

Она попыталась расслабиться, чтобы потом, резко вывернувшись, выскользнуть из цепких потных рук.

И в это время рядом раздался странно знакомый голос:

– Ребятки, вы что это тут делаете? Вы зачем же девушку обижаете?

С трудом повернув голову, Ася увидела пожилого дядечку.

И тут же узнала его.

Это был тот самый немолодой рыболов, которого она встретила прошлой ночью на мосту. Тот, который вызвал по ее просьбе полицию. Только удочек у него сейчас не было, вместо них дядечка держал в руке деревянную тросточку.

– А тебе, дед, чего надо? – огрызнулся на него долговязый. – Проваливай, пока цел, а то мы тебе последние ноги обломаем. Ты вон и так еле ходишь, на палку опираешься, а мы тебя вообще в инвалидное кресло посадим.

– Что же вы, ребятки, такие невоспитанные? – закручинился прохожий. – Видно, папа с мамой в детстве мало вас пороли.

– Ты что, дед, совсем сбрендил? – рявкнул долговязый. – Я тебе сказал: проваливай! Нет, Вовчик, ты видел этого хмыря малахольного? Ну-ка, приложи его пару раз в воспитательных целях.

– Это мы мо-ожем, – проблеял толстяк, – это мы за-апросто. Это мы легко-о…

Он шагнул к дядечке и замахнулся. Но тут случилось что-то странное, можно даже сказать, удивительное: дедок чуть отступил в сторону, выставил перед собой свою трость… и толстяк, зацепившись за нее ногой, полетел на тротуар. Причем полетел качественно, так что попал лицом на край песочницы.

– Тебя что, Вовчик, ноги не держат? – удивленно проговорил долговязый.

Вовчик поднялся. По лицу его текла кровь, маленькие глазки пылали злобой.

– Это старикан мне палку под ноги сунул. – проговорил он со злобой и обидой. – Я ему сейчас покажу!

Он бросился на рыболова, размахивая кулаками, но тот опять немного отступил в сторону и неуловимым, молниеносным движением выбросил палку вперед. Толстяк охнул, свалился на спину и задрыгал в воздухе ногами, как перевернутый на спину жук. А пожилой дядечка оказался над ним и еще раз ткнул палкой, да так ловко, что Вовчик завыл от боли.

– Да ты что, Вовчик? – Долговязый удивленно уставился на своего приятеля. – Ты что – прикалываешься?

– Какой, блин, прикол? – пропыхтел Вовчик, с трудом восстановив дыхание и безуспешно пытаясь встать. – Мне этот старый козел, кажется, селезенку отбил…

Ася не стала ждать более удобного момента, она резко крутанулась вокруг своей оси, одновременно впиваясь зубами в руку долговязого. Тот взвыл и дернул другой рукой ее за волосы. Не знал он, видно, что первое правило, которое усвоила она в дворовом детстве, – ни за что не сдаваться. И если уж вцепилась зубами, то держать намертво, как бульдог.

Зубы у Аси были отличные – белые и крепкие, в жизни у стоматолога не была. От отца достались, говорила ей бабушка, хоть какая-то с него польза.

Сейчас Ася сжала зубы, не обращая внимания на боль, и с удовлетворением почувствовала во рту вкус чужой крови. Да еще и каблуком бандиту на ногу наступила, всем весом.

Ему было не размахнуться, чтобы двинуть ей как следует по голове, так что пришлось отпустить ее волосы.

Толстый Вовчик стонал на асфальте, он был уже не боец. Дядечка-рыболов направился к ним, тогда Ася отпустила руку долговязого, кровь лилась сильно, видно, вену прокусила. Тот уставился на руку в оцепенении, Ася же бросилась бежать, не оглядываясь. Ничего, дядечка за себя постоять сумеет.

Первым, кто попался Асе в ресторане, был повар Жан. Он выглянул из кухни – черная лоснящаяся рожа в белом колпаке – и спросил:

– Как ты вчера, нормально?

– Твоими молитвами, – зло бросила Ася.

– Ты это, не дуйся. – Жан погладил ее по плечу. – Тут такой случай…

– Отвали от меня, бабник несчастный! – Ася сбросила его руку.

Злилась она не только за то, что вчера он не подвез ее до дома, злилась за то, что придется опять врать его жене Кате, которая увезла сейчас ребенка в Анапу и просила Асю присматривать за Жаном. Жили они в соседнем дворе, Катя призналась, что доверяет только Асе. И объяснила почему.

Она прекрасно знала вкусы своего мужа.

Жан был ребенок Олимпиады. Тогда, в восьмидесятом году, в Москву и Петербург (тогдашний Ленинград) приехало много чернокожих спортсменов. А через девять месяцев среди новорожденных оказался невиданный процент чернокожих мальчиков и девочек, среди которых и был Жан. Мама так и назвала его, в честь отца, бегуна из Франции. И хоть мать Жана была стопроцентно белой, ребенок у нее получился черный, как… ну да, вакса.

Жан вырос, окончил кулинарное училище, женился на Кате, мальчик у них получился довольно светленький. Очевидно, у предков Жана было принято многоженство, потому что он отчаянно бегал по бабам, ничего не мог с собой сделать. Нравились ему исключительно дебелые белокожие блондинки, так что насчет Аси его жена была совершенно спокойна. Поскандалив пару раз, Катя смирилась, только просила Асю проследить, чтобы ее муженек не слишком зарывался и домой никого не водил, а то перед соседями стыдно.

– Ася, – заныл Жан, – ты только Катьке не говори… – и снова погладил ее по плечу.

Тут и застал их Самсоныч.

– Это вы чегой-то? – нахмурился он.

Самсоныч у них был самый настоящий вор в законе, каких в кино показывают. Был он небольшого роста, сухой и жилистый, кожа на лице продубленная ветрами и морозами в далекой Сибири, где провел Самсоныч немало годков на государственном обеспечении. Все руки в татуировках, и сводить их Самсоныч не собирался. Пустые это люди, говорил, которые татуировки свои сводят, как будто и без них не видно, кто они такие. Самсоныч от прошлого своего не отказывался, просто теперь ушел на покой. Кроме ресторана, было у него еще кое-какое имущество – пара магазинов, отель небольшой, автомастерская. Но рестораном он занимался сам лично, нравилась ему африканская кухня.

Дело шло хорошо, платил Самсоныч прилично и от персонала требовал трех вещей: быстроты, аккуратности и чтобы никаких личных контактов.

Мне, говорил, никакие ваши шуры-муры, фигли-мигли и прятки в ресторане не нужны. Разумеется, вместо последнего слова употреблял он нечто более сильное.

При первом знакомстве Самсоныч Асе так прямо и сказал, она только плечами пожала. Повар Жан тоже был предупрежден и никогда ничего себе не позволял.

– Вы это чего? – вызверился на них Самсоныч. – Делать, что ли, нечего?

Ася развернулась на пятках и ушла, оставив Жана оправдываться.

Сержант полиции Соловьев возвращался домой после ночного дежурства. Он уже подходил к своему дому, как вдруг увидел рядом с подъездом знакомую машину. Приземистую черную «Тойоту» с хищными акульими очертаниями.

Во рту сразу появился неприятный металлический привкус, руки задрожали, как с перепоя, заломило виски. Сержанту захотелось незаметно обойти черную машину, проскользнуть в свой подъезд и запереться в квартире. Но он прекрасно знал, что из этого ничего не выйдет. Тот человек, который ждет его в «Тойоте», достанет его за запертой дверью. Да он из-под земли его достанет.

Пару лет назад сержант сделал глупость. Взял деньги у мелкого наркодилера за то, чтобы скрыть кое-какие улики. Вроде бы речь шла о небольшой порции травки, с которой Соловьев прихватил этого дилера во время патрулирования.

Но потом оказалось, что все гораздо серьезнее, пакетик с травкой обернулся уликами по делу об убийстве, и Соловьев влип бы по самые уши, если бы этот человек не помог ему выпутаться. Тогда он ему помог – но с тех пор требовал ответных услуг.

И довольно быстро сержант понял, что та история с наркодилером была заранее подготовленной подставой.

Соловьев медленно шел к подъезду, как будто к его ногам были привязаны свинцовые гири. Когда он поравнялся с черной машиной, стекло на передней двери опустилось, и знакомый голос проговорил:

– Куда торопишься, Коля?

– Домой, – отозвался Соловьев с тяжелым вздохом.

– Дом от тебя, Коля, никуда не убежит. Сядь в машину, разговор есть.

Сержант не стал спорить – он знал, что это бесполезно. Он послушно сел на переднее сиденье машины, рядом с плотным приземистым человеком лет пятидесяти. Щетка коротко стриженных седых волос, тяжелый подбородок, маленькие пронзительные глаза, кривой шрам на левой щеке, напоминающий формой кленовый лист.

– Давно не видались, Коля, – проговорил человек со шрамом. – Ты меня не забыл?

– Забудешь вас, как же… – вполголоса ответил сержант.

– Правильно, не забудешь. – Человек со шрамом недобро усмехнулся. – А если забудешь – я напомню. И про нашу первую встречу напомню, и про ту папочку, которая у меня припрятана… про папочку, где все твои расписки лежат.

– Все я помню… – простонал сержант, – говорите, чего надо! Не тяните, и без того тошно!

– Неправильно говоришь, Коля, – поучительно возразил человек со шрамом. – Ты должен спрашивать, чем ты мне можешь помочь. Так оно будет вежливее. И помогать мне, Коля, ты должен с радостью и охотой. Но сегодня, Коля, ты должен помочь не мне. Не мне, Коля, а одному очень большому человеку.

– Какому еще человеку? – недовольно переспросил Соловьев. – Не было такого уговора… я только с вами…

– Забываешься, сержант! – оборвал его человек со шрамом. – Ты не в том положении, чтобы права качать! Ты должен слушать, что я тебе говорю, и немедленно исполнять! А то я тебе напомню, что у меня не только папочка имеется, в которой твои расписки, но еще и пакетик, в котором стреляная гильза. Помнишь?

– Помню, помню… – тоскливо выдохнул Соловьев.

И только теперь заметил, что они в машине не одни.

Заметил, что на заднем сиденье сидит еще один человек – загорелый почти до черноты, с узким дубленым лицом, с волчьим кривым оскалом. Человек в дорогом черном костюме, совсем не подходящем ни к волчьему оскалу, ни к жесткому загару, приобретенному явно не на средиземноморских пляжах.

– Этот человек, что ли? – спросил сержант у человека со шрамом.

– Этот, этот.

– И чего ему надо?

– А он тебе сейчас сам все скажет. Что мы с тобой будем в испорченный телефон играть.

И действительно, загорелый мужик сверкнул в полутьме салона белками глаз и заговорил:

– Что случилось ночью на Литейном мосту?

Голос у незнакомца был странный – какой-то резкий, как будто механический. Соловьеву пришла в голову странная мысль. Он подумал, что, если бы вдруг заговорил его табельный пистолет, голос у него был бы такой же. И еще у незнакомца был заметный акцент.

– На Литейном? – удивленно переспросил сержант.

– Да-да, на Литейном, – раздраженно процедил человек со шрамом. – Что переспрашиваешь? Плохо слышишь, что ли?

– Он хорошо слышит, – перебил его человек с заднего сиденья, – он просто нервничает.

– Чтобы мент нервничал? – усмехнулся человек со шрамом. – Это что-то новенькое.

– Итак, что же случилось на Литейном мосту?

– Да ничего не случилось, – удивленно ответил Соловьев. – Вызов поступил, якобы там женщина в воду бросилась, мы с Витей… с сержантом Бондаренко близко находились, поэтому и поехали на вызов. Только он не подтвердился…

– Что значит – не подтвердился?

– Да там девчонка стояла странная какая-то, она и сказала, что женщина в воду прыгнула. А мужик, рыболов, который тут же стоял, никого не видел…

– Ты сказал – девчонка странная? – быстро переспросил загорелый незнакомец. – Чем же она такая странная?

– Она черномазая, – нехотя ответил сержант и опасливо взглянул на незнакомца – не примет ли он эти слова на свой счет. Но тот не был негром или мулатом, просто очень загорелый. Видно, много лет провел где-нибудь в жарких странах.

– Черномазая? – переспросил тот. – Из Средней Азии, что ли? Из Узбекистана?

– Да нет – совсем черномазая! Негритянка, что ли, или эта… как ее… мулатка!

– Вот как. – загорелый на мгновение прикрыл глаза. – Интересно… а вы у нее фамилию спросили?

– А как же! Порядок мы знаем! Фамилия у нее самая обыкновенная, Иванова… прикиньте – негритянка Иванова!

Сержант тоненько хихикнул, и собственный смех показался ему жалким и ненатуральным, как будто он заискивает перед этим загорелым хмырем.

– Да, очень смешно, – проговорил тот, но даже не улыбнулся. – А имя? Имя у нее было тоже самое обыкновенное?

– Имя Витя… сержант Бондаренко не спросил, – с сожалением проговорил сержант, – он у нее документы попросил, но документов у нее при себе не было.

– Жаль. И ничего больше про нее не спросили?

– Нет, еще она сказала, где работает – в ресторане… как же это… Зим-бези…

– «Замбези»? – уточнил загорелый.

– Вот-вот, точно, «Замбези». Так она и сказала.

– Понятно… Так почему вы ей не поверили? Почему не поверили, что она видела самоубийство?

– Так я же говорю – тот старик, рыболов, никого не видел, а он шел ей навстречу, так что как раз должен был видеть самоубийцу, если она была… и вообще…

– Вообще – не хотелось на себя вешать лишнее дело? – уточнил загорелый тип.

Сержант ничего на это не ответил – что тут отвечать-то, все и так предельно ясно.

Вообще этот загорелый незнакомец вроде разговаривал с ним вежливо, но сам его механический холодный голос пугал сержанта. Кроме того, Соловьев видел, как смотрит на этого типа человек со шрамом – с уважением и едва ли не с испугом. А напугать этого человека было непросто, сержант знал это по себе.

– А скажи-ка, сержант, – продолжал расспросы незнакомец, – вы то место осмотрели?

– Витя осмотрел… сержант Бондаренко.

– Внимательно?

– Ясное дело… как положено. Мы же не первый год служим, порядки знаем.

– И он ничего не нашел?

– Ничего! Вот ведь, это тоже значит, что не было там никого, никто не прыгал! Потому как кто в воду прыгает – что-нибудь обязательно оставляет, хоть обувь снимет, записку, опять же…

– Совсем ничего? – повторил загорелый. – А может, Витя… сержант Бондаренко что-нибудь нашел, а тебе не сказал?

– Нет! – возмутился Соловьев. – Да вы что! Мы же с Витей напарники! У нас все всегда пополам. Он найдет – со мной делится, я найду – с ним делюсь…

– Святая мужская дружба, – усмехнулся загорелый.

– Ну да! – подтвердил сержант с вызовом. Что этот тип понимает в мужской дружбе.

– Ясно. – Загорелый тип снова прикрыл глаза, и сержант облегченно вздохнул – кажется, на сей раз все обошлось, и его сейчас отпустят домой… но не тут-то было.

– Вот что, – снова заговорил незнакомец, – как ты относишься к африканской кухне?

– Чего?

– Я спрашиваю: как ты к африканской еде относишься?

– Да никак… никогда не пробовал.

– Придется тебе расширить свой кругозор!

– Да что его спрашивать, – вмешался в их разговор человек со шрамом, – как надо, так и отнесется!

– Ты сейчас иди домой, поспи, потом переоденься и иди в этот самый ресторан – «Замбези». Знаешь, где он находится?

– Ага, знаю.

– Значит, пойдешь в ресторан «Замбези», и вот что ты там сделаешь…

В подсобке Ася попыталась привести себя в порядок, с трудом расчесала волосы, поглядела на себя в темное, мутноватое зеркало. В зеркале она казалась темнее, чем на самом деле. Что ж, ее и взяли в этот ресторан исключительно за экзотическую внешность. Мулатка, причем очень смуглая.

Папа был черный как гуталин. Это бабушка так говорила: то – как вакса, то – как гуталин, а Ася и не знала, что за гуталин такой, это бабушка потом объяснила ей, что такой штукой обувь чистили уже потом, после ваксы.

Ася нахмурилась и сказала себе в зеркале, что все прошлое забыто, что новая ее жизнь началась в девять лет, с тех пор как бабушка взяла ее к себе. Бабушка ее не жалела, не охала и не говорила, что судьба Асе выпала тяжелая, она просто призывала все забыть. И начать новую жизнь. Как будто раньше ничего не было.

И вроде бы удалось, однако вот сейчас, когда Ася отбивалась от тех двоих, тело само вспомнило, как нужно вести себя в драке. Сколько же ей пришлось перевидать этих драк с малолетними уличными зверенышами. Говорят же, что дети еще страшнее взрослых бывают. Ася помнит…

Да, по сравнению со вторым ее детством первое – просто курорт! Рай земной, хоть мама и проклинала ту страну, откуда они улетели тогда в Россию.

Тогда все завертелось стремительно. Они прилетели в Ленинград, который, как сказала мама, переименовали в Петербург. Асе было все равно. Мама же с изумлением поняла, что страна за шесть лет ее отсутствия изменилась неузнаваемо. Перестройка шла полным ходом, кто-то богател, обычные люди катастрофически обнищали, и до Аси с мамой никому не было никакого дела.

Их никто не встретил, и тогда мама буквально на последние деньги взяла такси и привезла Асю, как она говорила, домой.

Ася помнит, что ее поразило отсутствие солнца. Серое небо, сочащееся мелким нудным дождем, унылые прохожие под зонтиками. Зонтиков Асе хватило уже надолго. Было сыро и холодно, Ася тотчас простудилась в легкой курточке.

Им открыла страшная седая женщина в замызганном халате, в которой мама едва узнала свою мачеху. Женщина прикрыла глаза, как будто ей резал свет, хотя лампочка на лестнице горела едва-едва, махнула рукой и побрела в квартиру, не сказав ни слова. Мама поскорее втащила в темный захламленный коридор чемоданы и впихнула Асю.

В квартире пахло ужасно – бедностью, болезнью и еще чем-то кислым и противным. На кухне в раковине громоздилась гора грязной посуды, и целый угол занимали пустые бутылки.

В квартире было две комнаты. Мама с Асей расположились в той, что побольше, потому что в другой умирала мачеха. Об этом рассказала маме соседка, что явилась, ведомая любопытством. Соседка ахала, обнималась с мамой, разглядывала вещи в чемодане, гладила Асю по голове. Ее прикосновения были Асе неприятны, как будто в волосы заползло вредное насекомое и ползает там, щекотно шевеля лапками. И голос у соседки был приторный и фальшивый, Ася хоть и мала была тогда, а сразу это почувствовала.

В первую ночь Ася долго не могла заснуть – мешали духота, шум дождя за окном, запах пыли и бедности. Пыль тут была совсем не такая, как там, где жили они раньше, та была мягкая, белая, теплая. В этой же квартире по углам прятались огромные серые комья, с волосами и паутиной. Пауков Ася не боялась, было просто противно.

Они спали вдвоем с мамой на старой продавленной кровати, которая ужасно скрипела, и мама сонно ворчала, чтобы Ася не вертелась. Под утро Асе приснился кошмар: как будто серые комки пыли ожили и ползут на нее, увеличиваясь в размерах. И вот уже один комок схватил ее неизвестно откуда появившимися щупальцами и тянет к себе. И Ася уже не может дышать…

Она проснулась оттого, что мама трясла ее и приговаривала: «Аська, проснись! Это же просто сон!»

Потом мама обняла ее и долго гладила по голове, даже песенку тихонько спела. И голос у нее был совсем не хриплый и не визгливый.

Но такое было в последний раз.

Утром мама сбегала в магазин, потому что в доме не было ни крошки еды. Денег она заняла у той же соседки, сказала, что у нее только валюта. Валюты тоже было негусто, точнее, совсем не было, но у мамы хватило ума об этом не говорить. И что муж ее фактически бросил, она тоже не сказала соседке. Впрочем, как теперь думает Ася, соседка сразу все поняла, это было нетрудно.

Ася в отсутствии мамы боялась выходить из комнаты, потому что та, вторая комната, где лежала мачеха, казалась ей темной зловонной пещерой, где обитает злой дракон. Мачеха не выносила света, поэтому в комнате всегда было темно, и еще она ужасно хрипела, когда дышала. Ася пугалась этой комнаты до колик в животе, даже плакать не могла, так что просто лежала в кровати, накрывшись стареньким несвежим одеялом с головой, и ждала маму.

А мама все время куда-то уходила – то в магазин, то в жилконтору, то по разным инстанциям. Асю с собой не брала – дети на нее показывали пальцем и смеялись, взрослые

хмурились, тетки в жилконторе поджимали губы. Однажды два страшных парня – бритых наголо и в татуировках по всему телу и даже на лицах – пристали к маме и начали обзывать нехорошими словами ее и Асю. Мама оглядывалась в поисках милиции, потом стала звать на помощь, но прохожие пробегали мимо, опустив головы. Их оттеснила толпа школьников, высыпавших из автобуса. Мама подхватила Асю и бросилась бежать. А вечером купила бутылку вина и пригласила соседку на ужин. Свой рассказ о сегодняшнем инциденте она завершила словами: «Мало того что бросил, так еще и черного ребенка мне оставил. Вот что теперь с ней делать?»

Соседка поддакивала и гладила Асю по голове так сильно, как будто хотела выдрать ее черные, густые, вьющиеся волосы. Ну, это никак не получится…

Через месяц после приезда Ася заболела. Собственно, простудилась она почти сразу же, потому что не было у нее подходящей одежды для промозглой петербургской осени. Она кашляла, температурила, мама по совету соседки поила ее чаем с медом, но ничего не помогало. Потом стало совсем плохо, и мама вызвала неотложку, потому что ребенок задыхался в кашле и бреду, а участковый врач не мог прийти, поскольку у Аси не было ни прописки, ни полиса.

Толстая врачиха тут же заорала на маму, что у ребенка запущенная пневмония, и они ни за что теперь не отвечают. Нужно в больницу, потому что без уколов и капельниц ребенок не жилец. А как тут в больницу, если нет никаких документов? Мама в ужасе отдала врачихе единственную драгоценность, что у нее была: кольцо с небольшим бриллиантом, что подарил ей муж на свадьбу. От кольца врачиха отмахнулась, но взяла кожаную мягкую курточку, как она сказала, для дочки, ей самой только на нос влезет.

Ася пролежала в больнице почти месяц. А когда вернулась, то все снова изменилось к худшему.

Снова Ася очнулась от воспоминаний, стоя у зеркала. Отчего это собственное лицо так на нее действует? Давно ведь не думала о прошлом, а теперь вот все время оно возвращается.

Внезапно она осознала, что стоит как бы на распутье, что вся ее худо-бедно налаженная жизнь может развалиться. И от нее зависит, в какую сторону все пойдет. Либо будет совсем плохо, либо наоборот, в ее жизни будет много нового и интересного. И даже, возможно, она встретит наконец своего мужчину, о чем втайне мечтает каждая женщина, пока не состарится. Пока что с этим не очень получается, все какие-то не те попадаются.

– Ассейна! – гаркнул неслышно появившийся за спиной Самсоныч. – Снова ворон считаешь? Давай в зал, клиент пошел!

– Иду уже. – Ася взбила волосы, подмазала губы и пошла, чуть покачивая бедрами.

Самсоныч, глядя ей вслед, в который раз удивился ее статности и грации. Хороша девка, что и говорить. Своя красота, природная, такую ни за какие деньги не купишь. Ишь как идет, как по облаку ступает. Был бы помоложе, да здоровье бы в Сибири не испортил… да что уж теперь про такое думать, только расстраиваться.

К вечеру зал понемногу заполнялся. Кроме завсегдатаев – студентов из Анголы и Мозамбика, которые приходили сюда, чтобы пообщаться с соотечественниками, – появились любители экзотики и просто случайные посетители, клюнувшие на необычное название.

Ася сновала от стола к столу, принимала и разносила заказы, отвечала на одинаковые шутки, огрызалась на мелкое хамство – в общем, все как всегда. Ноги начали уставать, и она взглянула на часы.

Еще час-полтора, и смена закончится.

В это время за столиком в углу появился хмурый долговязый парень в сером пиджаке. Ася подошла к нему, улыбнулась, положила перед ним раскрытое меню:

– Хотите чего-нибудь выпить?

– Пива, – проговорил посетитель севшим голосом.

Он отчего-то нервничал – может, ждал кого-то, с кем предстоял трудный разговор.

– Какого пива? – уточнила Ася. – Традиционного африканского из сорго, по конголезскому рецепту?

В Асиных глазах сверкала насмешка.

– А чего-нибудь попроще нет?

– Есть, конечно – «Туборг», «Хайнеккен», «Будвайзер»…

– Ноль-пять «Туборга». Для начала. А вот что это такое – тажин? – Он ткнул пальцем в меню.

Ася, которой не раз приходилось отвечать на такие вопросы, с готовностью объяснила:

– Тажин – это такая запеканка из бараньего фарша с фруктами и орехами. Очень вкусная, но довольно острая.

– А боботи?

– Это такие маленькие африканские пельмешки из баранины с пряностями.

– Вот, давай неси мне эти боботи. Раз уж ресторан африканский, надо попробовать.

Ася отошла от стола, передала на кухню заказ и принесла парню его пиво.

Она поставила кружку на стол и хотела уже отойти, как вдруг парень остановил ее:

– Не уходи! Посиди со мной!

– Ты что? – фыркнула Ася. – Нам нельзя сидеть с посетителями. Хозяин такую выволочку устроит!

– Да ладно, – парень усмехнулся. – Со мной можно. За меня хозяин не станет ругаться.

– С чего это? – нахмурилась Ася. – Что в тебе такого особенного?

Но он, вместо того чтобы ответить, задал ей встречный вопрос:

– Это ведь ты прошлой ночью была на Литейном мосту?

– Допустим, я. – Ася посмотрела на него внимательно и настороженно. – А ты откуда знаешь?

– А я в полицейской машине сидел, которая на вызов приехала.

– Ты? – Ася пригляделась к нему. – Что-то я тебя не узнаю.

– Так я из машины не выходил. Ты с моим напарником разговаривала, вот его и запомнила.

– Так ты, значит, Соловьев? – Она вспомнила разговор недоверчивого мента со своим невидимым напарником.

И потом, в машине, он и головы не повернул в ее сторону. Хотя вроде с затылка похож на того.

– Точно, Соловьев, – усмехнулся парень. – Хорошая у тебя память. А зовут меня Николай.

– А меня – Ася.

– Ася Иванова… не очень-то подходит к твоей внешности.

– Фамилия у меня мамина, а она была русская. А имя… вообще-то полное мое имя – Ассейна, так и в паспорте записано, но такое имя мало кто запомнит, вот я и стала Асей.

Ася сама не знала, для чего она все это рассказывает незнакомому человеку. Хотя вроде был парень не противный, к ней по-хорошему, так зачем же сразу хамить?

– Ясно… А я тебя, честно, не сразу узнал. Ты тогда, на мосту, не такая была.

– Ясно не такая, – усмехнулась Ася. – Это на работе нам хозяин велит так одеваться и причесываться, как будто мы только что из джунглей вышли, а если я на улице в таком виде покажусь – как ты думаешь, далеко я уйду?

Она вспомнила ту колоритную парочку, которая напала на нее в проходном дворе.

Да, хоть тогда она выглядела не так вызывающе, как сейчас, но это ей не помогло!

– Да, непростая у тебя жизнь, – сочувственно вздохнул Николай. – Слушай, а хочешь, я тебя до дома довезу? У тебя ведь смена, наверное, скоро кончается?

Он смотрел на нее бесхитростно и искренне. По-хорошему смотрел. Может, и правда помочь хотел.

– Спасибо, – Ася улыбнулась, – меня обычно Жан подвозит, повар наш. Он недалеко от меня живет. Но все равно – спасибо.

Тут ее окликнули от другого столика. Она попросила прощения и отправилась работать.

Через несколько минут Ася снова вернулась к столику Николая, чтобы принести его заказ. Кружка у него была пуста, и она предложила принести еще пива.

– Нет, – он покачал головой, – я за рулем. Одна кружка – это еще ничего, меня вряд ли кто-то остановит, но больше нельзя. Лучше ты мне потом кофе принеси.

Ася кивнула и отправилась обслуживать другие столики.

Когда до конца смены оставалось четверть часа, она заглянула на кухню и окликнула Жана:

– Жанчик, нам с тобой сегодня по пути?

– Извини, сестренка, – отозвался тот, снимая крахмальный колпак, – сегодня опять не могу, сегодня у меня другие планы.

– Опять налево? – вздохнула Ася.

– Ага. – Жан сделал загадочные глаза. – Это такая девушка… Персик, а не девушка! Такая попка!.. И все остальное… – Он обрисовал в воздухе соблазнительные формы.

– Избавь меня от подробностей, – фыркнула Ася.

Увлечение Жана женскими формами было известно всему ресторану. Жан не пропускал ни одной юбки, ни одного существа женского пола. Со своими коллегами, правда, он не крутил, поддерживая исключительно дружеские отношения, строго соблюдая известное правило: не гадить, где ешь, – и это всех устраивало.

Как уже говорилось, жена его Катерина тоже смотрела на похождения мужа сквозь пальцы, он ценил мирную обстановку в доме, не зарывался и старался сохранять все в тайне. Но летом, пока Катя с сыном были на даче или, вот как сейчас, улетели в Анапу, Жан брал реванш за весь год сдержанного поведения. Однако домой своих многочисленных подружек он раньше не приводил: с одной стороны, не хотел осквернять семейный очаг, с другой – опасался тещи, Инны Егоровны, которая иногда наведывалась с дачи в город с инспекционной поездкой, отрываясь от выращивания огурцов и варки варенья.

Этой же весной теща неожиданно вышла замуж за своего бывшего одноклассника, которого встретила на улице совершенно случайно. У одноклассника оказался дом в Финляндии на берегу озера, где он жил совершенно один после смерти жены. Так что теща, недолго думая, бросила свои шесть соток вместе с не взошедшими еще огурцами и отбыла в Финляндию на постоянное место жительства. Потому-то Катя и обратилась к Асе с просьбой приглядывать за ее любвеобильным муженьком, что остался он без тещиного присмотра. А как его устережешь, паразита такого.

Как бы там ни было, Ася поняла, что ей снова придется возвращаться домой без провожатых. Оставалась одна надежда: успеть на последнюю маршрутку.

Она вышла в зал, чтобы обслужить последних посетителей, и увидела, что Коля Соловьев по-прежнему сидит за своим столиком перед полупустой чашкой кофе.

– Эй, Ассейна! – окликнул он ее. – Ты не передумала?

– Насчет чего?

– Мое предложение остается в силе. Если хочешь, я тебя могу подвезти.

Ася внимательно взглянула на него.

Вроде бы парень неплохой, не наглый, как многие другие менты. Не пытался щупать ее, не смотрел сальными глазами.

Опять же, до чего не хочется тащиться ночью по пустому городу…

Она вспомнила вчерашнюю ночь, густой туман, заполонивший город, приближающиеся шаги за спиной.

– Ладно, если тебе действительно по пути. Ты можешь подождать еще несколько минут?

– Без проблем!

– Погоди, Аська! Вот обследуем мы с тобой последний бак и пойдем домой обедать. – Бомж Панфилыч по обыкновению многих одиноких людей разговаривал со своей собакой, большой пегой дворнягой по имени Аська. И собака вполне его понимала. Она уселась возле мусорного контейнера и принялась старательно выкусывать блох.

Панфилыч перегнулся через край контейнера и принялся ворошить его содержимое специальной палкой с крючком на конце. Он был не брезглив, при его образе жизни чистоплюйство – непозволительная и даже недопустимая роскошь, однако рыться в мусоре голыми руками небезопасно, однажды он порезал руку осколком зеркала и едва не заработал заражение крови.

Так что теперь для обследования мусорных баков и контейнеров он использовал специальный инструмент, который собственноручно изготовил из палки для скандинавской оздоровительной ходьбы.

Переворошив мусор, он не нашел ничего полезного. Подвернулась ему только яркая коробка с новогодними хлопушками. Видимо, кто-то купил лишнюю коробку на прошлый Новый год, а теперь избавился от нее, благо до следующего праздника еще долго, и она только напрасно занимала в доме место.

Хлопушки – вещь в хозяйстве бесполезная, но Панфилыч все же подобрал коробку и сунул ее в мешок с сегодняшними находками. Мало ли для чего пригодится…

Закончив ежедневный обход своей охотничьей территории, Панфилыч вернулся в родной двор и, спрятавшись за детской горкой, внимательно огляделся.

Управдома в ближайших окрестностях не было видно.

Отношения с управдомом у Панфилыча были сложные.

То есть в последнее время этот маленький дворовый начальник не возражал против того, что сам Панфилыч существует на вверенном ему участке Вселенной и даже ночует на чердаке. Однако собаку он никак не хотел принимать. А поскольку собака Аська была для Панфилыча единственным близким существом и разлучаться с ней он не планировал, пока их не разлучит смерть или другое непредвиденное событие, жизнь его весьма осложнилась, и каждый раз, пробираясь к себе на чердак, Панфилычу приходилось сначала провести рекогносцировку.

Убедившись, что управдома или кого-то из его прислужников и информаторов во дворе нет, Панфилыч вышел из своего укрытия и поспешил к подъезду.

Умная собака, хорошо понимающая свое шаткое общественное положение, потрусила вперед, ни на шаг не удаляясь от хозяина и выполняя известную команду «рядом».

Войдя в подъезд, Панфилыч зашагал вверх по лестнице.

Здесь встреча с управдомом была маловероятна, поэтому он немного расслабился и даже завел обычную беседу со своей верной спутницей:

– Сейчас, Аська, нам с тобой хорошо, поскольку на улице еще тепло. А вот когда наступят холода, жизнь наша осложнится. Придется где-то теплое доставать, а где же его возьмешь? Тебе-то хорошо, у тебя вон какая шкура косматая, а мне что делать? Это еще наше счастье, что пускают нас на этот чердак, там трубы всякие проходят, поэтому и зимой не очень холодно, а вот ежели нас отсюда прогонят…

За этим содержательным разговором Панфилыч с собакой добрались до пятого, верхнего этажа. Теперь еще два лестничных марша – и они, считай, дома, в тепле и безопасности.

Здесь, в квартире на пятом этаже, проживала девушка Ася, тезка его собаки. Девушка она была хорошая. Черненькая, правда, но Панфилыча это нисколько не смущало – у него не было расовых или национальных предрассудков. А вот то, что Ася работала в ресторане и почти каждый день приносила оттуда Панфилычу и его четвероногой подруге много вкусной и здоровой пищи, делало их лучшими друзьями.

Панфилыч взглянул на дверь Асиной квартиры и остановился в удивлении.

Дверь была приоткрыта.

Это был очевидный непорядок.

Ася хоть и молодая, но не рассеянная, уходя из дома, дверь непременно закрывает. Понимает, что в наше время без этого никак нельзя. Работает она в своем ресторане допоздна, так что вряд ли она уже вернулась. Да если бы и вернулась – опять же не оставила бы дверь открытой. Не такая она девушка – спокойная, рассудительная.

А это значит…

Это значит, что к ней влезли квартирные воры.

С квартирными ворами Панфилыч вел непримиримую борьбу. Несколько раз он удачно сумел спугнуть их, предотвратив кражи, за что удостоился милости управдома и получил негласное разрешение ночевать на чердаке.

Учитывая же дружеские отношения с хозяйкой квартиры, он считал себя просто обязанным защитить ее имущество от злоумышленников. Чего бы это ему ни стоило.

– Приготовься, Аська, – сказал он своей верной спутнице. – Сейчас мы с тобой пойдем на штурм.

Аська внимательно выслушала хозяина, подняв для верности левое ухо, и едва слышно тявкнула, чтобы показать ему, что все поняла.

Однако прежде чем начинать боевые действия, Панфилыч решил убедиться, что хозяйки нет дома.

Он открыл дверь пошире и осторожно заглянул в прихожую.

В прихожей никого не было, но теперь он отчетливо услышал доносящиеся из глубины квартиры звуки.

В квартире кто-то хозяйничал, кто-то передвигал мебель, кто-то ронял на пол тяжелые предметы. Причем это была, безусловно, не хозяйка, во-первых, потому, что та не стала бы так шуметь, не стала бы так неаккуратно обращаться со своим имуществом, а во-вторых, потому что те, кто безобразничал в квартире, негромко и раздраженно разговаривали двумя, несомненно, мужскими голосами.

– Приготовились! – скомандовал Панфилыч своей единственной соратнице.

Тут он вспомнил о своей сегодняшней находке – о коробке с новогодними хлопушками – и решил скорректировать план атаки, включив в него эти хлопушки как дополнительный устрашающий фактор.

Панфилыч вытащил из коробки три хлопушки и заорал что было мочи:

– Сдавайтесь! Вы окружены! При всякой попытке сопротивления открываем огонь на поражение!

Тут же он дернул разом за три веревочки, и хлопушки сработали. Звук был не очень громкий, но в замкнутом пространстве его вполне можно было принять за выстрелы.

Панфилыч снова заорал:

– Иванов! Петров! Почему стреляли раньше времени? Они еще могут сдаться! Стрелять только при попытке сопротивления!

Тут же Аська, которой хотелось внести свою лепту в происходящее, залилась громким и грозным лаем. Судя по тембру и громкости этого лая, ее можно было принять за огромную и очень опасную собаку. Впрочем, она и правда была серьезной псиной.

– Сдавайтесь! – снова заорал Панфилыч и тут же отступил к стеночке, предвидя следующие события.

Шум в глубине квартиры прекратился, на какое-то время наступила тишина, а потом в дальнем конце полутемного коридора послышался приближающийся топот.

– Приготовились! – скомандовал Панфилыч.

По коридору в сторону двери неслись два весьма подозрительных человека. Один был низенький, толстый, с круглым розовым лицом и маленькими поросячьими глазками, второй – долговязый, костистый, с квадратной челюстью. На круглом лице толстяка был страх, на физиономии его спутника – недоумение.

Панфилыч, стараясь не выходить на свет, снова заорал:

– Сдавайтесь! При попытке сопротивления будем стрелять на поражение! – и тут же, для придания своим словам большего веса, дернул за веревочки еще трех хлопушек.

Толстяк испуганно заверещал, но не остановился и даже прибавил ходу. Оба грабителя пронеслись мимо Панфилыча и его собаки. Аська, заливисто лая, бросилась им вслед и успела вцепиться в тощий зад замыкающего. Долговязый бандит завопил диким голосом и стрелой вылетел из квартиры. Аська попыталась было преследовать злоумышленников, но Панфилыч схватил ее за ошейник.

Он выскочил на лестничную площадку и закричал вслед скатывающимся по лестнице грабителям:

– Стойте! Не уйдете! Будем стрелять! Открываем огонь! – после чего выстрелил оставшимися хлопушками, осыпав площадку разноцветными конфетти.

Аська еще немного полаяла и успокоилась. Она предъявила хозяину свой трофей – клок плотной темно-синей ткани, выдранный из штанов злоумышленника.

Внизу хлопнула входная дверь.

Панфилыч погладил свою четвероногую напарницу по загривку и одобрительно проговорил:

– Вот, Аська, мы с тобой еще одно преступление предотвратили, а это значит, что день прожит не напрасно! И мы с тобой имеем право на заслуженный отдых и полноценное горячее питание.

Но тут он вспомнил, что дверь Асиной квартиры (той, другой, двуногой Аси) не заперта, а значит, оставлять ее без присмотра никак нельзя. Не такое время.

Он вздохнул и проговорил:

– Отдых и горячее питание временно откладываются. Придется нам с тобой тут подежурить. Но ты не переживай, мы с тобой тут, на порожке, перекусим. Горячего питания, конечно, не обещаю, но сухой паек у нас имеется.

– Вот, – сказала Ася, – вот я и дома.

Нарочно сказала «я», а не «мы», чтобы у ее провожатого не возникло никаких мыслей. Хоть и вел он себя прилично, пока вез, не лапал ее за коленку и не пытался привлечь к себе, все же следовало быть осторожной. Сто раз ругнула она про себя бабника Жана. Вот с ним не было бы никаких хлопот.

Впрочем, судя по всему, Коля Соловьев не собирался форсировать события. Может, и правда он нормальный парень, хоть и мент, и подвез ее просто по-хорошему. Однако дверцу машины открывать он не спешил.

– Жалко расставаться, – бесхитростно объяснил он.

– Не нагляделся еще? – рассмеялась Ася. – Весь вечер перед тобой крутилась.

– Так тогда ты на работе была, поговорить никак не получалось.

– И сейчас не получится, – вздохнула Ася, – уж извини, но после смены я с ног падаю. Спасибо тебе большое за то, что подвез, но на чай-кофе пригласить никак не могу, уж не обессудь.

Сказала и испугалась: вдруг он обидится и не придет больше в ресторан? И тут же рассердилась на себя: да что такое с ней, в самом деле? Отчего она мнется, виноватой себя чувствует, ведь этот парень всего-то подвез ее на машине, ничего она ему не должна!

– Ты каждый вечер работаешь? – спросил Коля, глядя куда-то вбок.

– Ага, нам выходной редко Самсоныч дает, – обрадованно ответила Ася, – так что приходи, если соскучишься.

– Приду. – Он протянул было руку, чтобы погладить ее по плечу, но передумал.

А потом вздохнул тяжко, глядя ей вслед. Вроде нормальная девка, не стерва, не шалава, и чего от нее надо этому типу с волчьим оскалом? Велел ему, Николаю, влезть к ней в доверие, в постель если надо уложить. И выяснить про нее все: кто такая, кто родители, откуда такая черная, а самое главное – что она видела тогда, на Литейном мосту, и нашла ли медальон из непонятного металла. Женщины ведь как сороки – все блестящее к себе тянут. Так что вполне могла она эту штучку прихватить. И его, Николая, задача – все про этот медальон выяснить. И добыть его тихонько.

Сержант Соловьев осознал, что ему ужасно не хочется встречаться с этим опасным типом и девушку обманывать не хочется. Он сплюнул на асфальт и рывком тронул машину с места.

Ася вскарабкалась на свой пятый этаж и увидела сидящего перед дверью Панфилыча, а рядом с ним – его кудлатую псину.

– Панфилыч, что случилось? – всполошилась она. – Что вы оба здесь делаете?

– Почетный караул несем, – гордо рапортовал бомж.

– Какой еще караул? Говори серьезно.

– Какой-какой? Говорю же тебе, почетный. Как раньше возле Мавзолея был… А серьезно – мы вот с ней, – он кивнул на свою псину, которая внимательно прислушивалась к разговору, – мы с ней грабителей из твоей квартиры прогнали.

– Граби-ителей? – недоверчиво протянула Ася. – Каких еще грабителей?

– Самых натуральных. Мы, значит, с ней, – Панфилыч опять кивнул на собаку, – мы с ней домой к себе поднимались, то есть на чердак, вдруг смотрим – у тебя дверь не заперта. Что такое, думаем, неужто ты закрыть забыла? Не может такого быть! Ты девушка толковая, обстоятельная. А тогда дело плохо. Заглянули, а там и правда двое таких хозяйничают. Мы с ней их и напугали. Она, значит, лаяла, а я кричал, чтобы сдавались и что иначе стрелять будем. И еще вот этими хлопушками бабахнул. – Панфилыч показал полупустую коробку. – В общем, они испугались и сбежали.

– Непонятно, – протянула Ася, – что им в моей квартире понадобилось? У меня и красть-то нечего.

– Вот уж чего не знаю, того не знаю, – солидно припечатал Панфилыч. – А только знаю, что были у тебя какие-то типы. Аська моя даже трофей захватила. – и он гордо предъявил девушке клок из штанов грабителя.

Ася взглянула на клочок темно-синей ткани, и вдруг у нее мелькнула не оформившаяся еще мысль.

– Панфилыч, – проговорила она неуверенно, – ты говоришь, их двое было, этих грабителей?

– Двое, двое, – уверенно ответил бомж и покосился на собаку, как будто ожидал от нее подтверждения своих слов.

– А как они выглядели?

– Да как выглядели? Как ворюги натуральные!

– Это понятно, а внешность? Внешность ты не запомнил?

– Как бы тебе сказать, один вроде Сереги из четырнадцатой квартиры, а другой на Максима Васильевича смахивает, который на втором этаже живет.

Ася напрягла память, пытаясь вспомнить жильцов, которых назвал Панфилыч.

– Максим Васильевич – это такой высокий, худой дядечка, который пуделя выгуливает?

– Он самый. Этот пудель Аську мою вечно доводит. Облает по-всякому, а потом к хозяину бежит жаловаться, знает, что от него моей собачке достанется.

– А Серега – это который всегда с управдомом из-за громкой музыки ругается?

– Этот!

Ася представила двух жильцов, о которых говорил Панфилыч. Один – высокий и худой, с унылым взглядом и прилизанными волосами, другой – маленький, толстый бодрячок.

– Значит, выходит, высокий и худой и с ним маленький и толстый?

– Выходит, так.

И тут Ася вспомнила тех двоих хулиганов, которые напали на нее в проходном дворе. Тоже – один маленький и толстый, другой долговязый и худой. Она еще подумала в первый момент – им только в цирке выступать, коверными клоунами. Так может, эти двое и вломились к ней в квартиру? Во всяком случае, они подходят под описание. Да еще и кусок синей ткани, который выдрала из штанов грабителя собака, – он был точно такого цвета, как брюки одного из тех громил.

Но тогда… тогда, получается, нападение в проходном дворе не было случайным? Они поджидали там именно ее?

Но зачем, зачем? Что им нужно от нее? У нее нет ни больших денег, ни ценных вещей.

Ответа на этот вопрос все равно не было.

Ася поблагодарила Панфилыча и его четвероногую подругу. Псина посмотрела на нее выжидательно – как, и это все? Благодарностью сыт не будешь, спасибо на ужин не съешь. Благодарность должна иметь материальное выражение.

– Принесла, принесла. – Ася улыбнулась и протянула Панфилычу пакет с ресторанными объедками.

– Теперь мы с тобой, Асенция, заживем как Фениморы Куперы! Будет у нас с тобой праздничный ужин из трех блюд! – радостно проговорил Панфилыч и повел собаку на чердак. Напоследок он повернулся к Асе и добавил: – Если что, если снова кто к тебе без приглашения заявится – ты только постучи в потолок, мы с твоей тезкой тут же на помощь поспешим! За нами не заржавеет!

– Спасибо, Панфилыч! – искренне поблагодарила его Ася и вошла в свою квартиру.

Для начала она проверила дверь.

Дверь была цела, и даже замок не сломан – видно, злоумышленники открыли его отмычкой. В этом был плюс, пусть и небольшой, – сейчас Ася могла просто запереть дверь. Конечно, завтра придется поменять замок, но это только завтра.

Закрыв дверь на замок и задвижку, Ася осмотрела квартиру, чтобы оценить ущерб, который нанесли ей грабители.

Во-первых, они перевернули всю ее квартиру вверх дном: выбросили все вещи из шкафа на пол, сбросили с кровати постельное белье. Асе стало противно, как будто чужие грязные руки прикоснулись к ее телу. Ладно, это несмертельно, белье она перестирает и порядок в квартире наведет, работы она не боится.

На первый взгляд в комнате ничего не пропало. Ее дешевенькие сережки, пара серебряных колечек и тоненькая цепочка лежали на прежнем месте, а денег в доме вообще не было – вся наличность, что оставалась до получки, лежала у нее в кошельке.

Она перешла в маленькую комнату – ту, в которой жила бабушка. Она так про себя и называла ее – бабушкиной комнатой – и оставила в этой комнате все как было прежде.

Не то чтобы она устроила там что-то вроде святилища – просто рука не поднималась выбросить что-то из бабушкиных вещей. Да и вещей-то было совсем мало – в основном книги. Старые, в потертых тисненых переплетах, знакомые с детства.

И все эти книги теперь валялись на полу.

Ася опустилась на корточки и чуть не заплакала: книги были смяты, некоторые страницы безжалостно разорваны, на одной из страниц отчетливо виднелся след грязного мужского ботинка. А ведь в них, в этих книгах осталась частица бабушкиной души. Вот эти бабушка читала ей в детстве, в третьем детстве, – «Серебряные коньки», «Голубая цапля», «Вторая Нина»…

Ася бережно собрала книги, разгладила, как могла, страницы, поставила обратно на полку и снова задумалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.